УДК 343.2

О СОЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ПРИОРИТЕТАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ: НЕОБХОДИМО ЛИ ЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

ON THE SOCIAL-VALUE PRIORITIES OF CRIMINAL-LEGAL PROTECTION: IS IT NECESSARY TO CHANGE IT IN MODERN CRIMINAL LAW

В. М. Хомич
Белорусский государственный экономический университет,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация. *В статье дается социально-криминологическая оценка состояния современного уголовного права (преступления и наказания), произошедших и происходящих в нем изменениях в ценностных приоритетах функционально-предметного применения для обеспечения безопасного существования человека и общественных систем, их жизнедеятельности в современных политико-организованных обществах. Показано, что вследствие социальных, экономических, политических трансформаций, произошедших на постсоветском пространстве не без влияния системы глобальной олигархической власти, реальная уголовно-правовая политика все более стала опираться на возмездно-карающие содержание в применении наказания в целях обеспечения установленного государством общественного порядка. На уровне уголовного закона допускается возможность использования наказания в качестве репрессивного акта нейтрализации не столько преступления, сколько классово-враждебных установленному правопорядку преступников. В этой связи выдвигается задача реновационной разработки общечеловеческой правовой платформы обоснования и применения преступления и наказания как*

Annotation. *This article provides a socio-criminological assessment of the state of contemporary criminal law (crime and punishment), and the changes that have occurred and are occurring within it in the value priorities of its functional and substantive application to ensure the secure existence of individuals and social systems, as well as their functioning in modern politically organized societies. It is shown that, as a result of the social, economic, and political transformations that have occurred in the post-Soviet space, not without the influence of the global oligarchic power system, actual criminal law policy has increasingly come to rely on the retributive nature of punishment in order to maintain public order established by the state. At the level of criminal law, the possibility of using punishment as a repressive act to neutralize not so much the crime itself as criminals who are class-hostile to the established legal order is permitted. In this regard, the task of renovating the development of a universal legal platform for the justification and application of crime and punishment as resocializing, in essence and content, criminal-legal means of atonement for guilt is put forward, on which a criminal-legal policy for the application of both crime and punishment should be consistently and progressively built.*

ресоциализационных по сути и содержанию уголовно-правовых средств искупления вины, на которой должна последовательно и поступательно выстраиваться уголовно-правовая политика применения и преступления, и наказания.

Ключевые слова: *социально-правовая природа уголовного права, уголовно-правовая политика, рациональная криминализация и пенализация, преступление, наказание, злоупотребление уголовным правом.*

Keywords: *socio-legal nature of criminal law, criminal law policy, rational criminalization and penalization, crime, punishment, abuse of criminal law.*

Основной посыл моих положений — *актуализировать возрождение естественно-социального и гуманистического подхода к оценке правового статуса уголовного права и его институтов* как единственно возможного на сегодня способа социального и научно-рационального *противовеса* тотальной роботизации преступления и наказания в качестве всемогущего средства решения всех социальных проблем. Это возможно и необходимо при условии принятия, как представляется, давно доказанного криминологического вывода, что любое преступление есть проявление не просто безнравственности конкретного человека, но и духовного и социального (социализированного неравенства общественной системы организации и общественного бытия людей), создающего состояние рабской исключенности индивида из должного общественного бытия (своего рода результат или конфликт человека с системами социального окружения вследствие не удовлетворяемой общественной системой нормальных потребностей индивида в его бытии).

К сожалению, в последние десятилетия после, несомненно, удачной реформы национального уголовного законодательства в канун вхождения человечества в XXI в. своего исторического развития [1, с. 399–402] в национальной и постсоветской уголовно-правовой науке на фоне резкого и абсолютного отказа от идеологических основ в гуманитарном познании закономерностей развития человеческих общественных систем была утеряна естественно-рациональная составляющая и в познании базовых основ социально-функционального предназначения уголовного права [2, с. 189–207].

Уголовный закон по своей природе репрессивен, его применение предполагает существенное ограничение прав и свобод человека. С одной стороны, он призван обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка, общественной безопасности и других благ для обеспечения нормального человеческого существования. С другой стороны, такая защита обеспечивается установлением уголовной ответственности и

наказания (их применением), представляющих собой комплексный механизм принудительно-насильственного ограничения прав и свобод человека, совершившего преступление. В этом и заключен парадокс содержания права в уголовном праве, равно как и возможность злоупотребления насильственно-принудительным потенциалом преступления и наказания далеко не в правозащитных интересах человека и его общесоциальных ценностей. Широко известна максима, содержащаяся едва ли не во всех конституциях: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены законом только в той мере, в какой в демократическом обществе это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Ни один другой закон не позволяет настолько серьезно поражать права и свободы человека, да еще и в объективно насильственной форме, как это предусмотрено в уголовном законе. Именно по этой причине ни к одному другому законодательному акту не предъявляется такое множество правовых требований, продиктованных опасением излишнего ограничения прав человека по системе уголовной ответственности (отнесения соответствующих деяний по критериям общественной опасности к числу преступных и наказуемых).

Человечество издавна признает за уголовным правом и уголовным законом одну из ключевых ролей в противодействии социальному (преступному) злу, разрушающему безопасные устои человеческого бытия. Однако его прогрессивное совершенствование в этом, казалось бы, устоявшемся дискурсе целеполагания уголовного права в современных общественно-политических системах, к сожалению, проходит противоречиво. Уголовный закон, обладая зарядом репрессивности, способен определенным образом и непосредственно влиять как позитивно, так и деструктивно на социальные процессы, протекающие в обществе. В этом смысле лучший уголовный закон — тот, который никогда не применяется, т. к. его превентивной силы достаточно для сдерживания преступной стихии без его реального применения или применения как исключительного [3, с. 19].

Чрезмерное употребление насильственных инструментов уголовного права (преступления и наказания) может стать причиной значительных негативных изменений в социальных системах организации установленного в обществе правопорядка и нежелательных перемен в социальной жизни. Неоправданная репрессивность уголовного закона может создать благоприятную почву для совершения преступлений, использоваться в интересах, далеких от стоящих перед ним задач, либо вызвать появление очагов социальной напряженности [4, с. 419–430]. Поэтому на повестке дня — актуализация процесса социальной (общественно значимой) рационализации уголовно-правовой политики,

переформатизации социально-политических основ криминализации и пенализации на общечеловеческой правовой платформе обоснования и применения преступления и наказания как ресоциализационных по сути и содержанию уголовно-правовых средств искупления вины и покаяния перед обществом.

К сожалению, в настоящее время мы находимся в самом начале поиска той общественной платформы жизнедеятельности и цивилизованной системы обеспечения национальной безопасности в формате принятой в республике концепции правовой политики. И здесь очень важно не допускать скатывания при осуществлении судебно-уголовной и уголовно-правовой политики к критериям применения уголовного закона по чрезвычайному сценарию военного времени. Как справедливо отмечает С. Жижек, не следует «стремиться к радикальным решениям. Мы обитаем в промежутке, и наше время заимствовано, любое решение временно и неоднозначно, это не более чем полумера в отношении фундаментальной недостижимости» [5, с. 14–15]. Уже всем очевидно, что в последние несколько десятилетий человечество вступило в качественно новый этап своего развития и, оказавшись под влиянием новой экономической реальности и неопределенности социального и политического выбора, общественное сознание далеко не всегда сегодня демонстрирует безоговорочную готовность адекватно воспринимать эту реальность и соответствовать ей, что делает его неоднородным, разрозненным, противоречивым, нестабильным и, как результат, потенциально высоко криминогенным. Изменилось и классическое отношение субъекта и объекта, то есть когда первый всегда говорил и творил от имени второго. Новый мир сегодня, по мнению Ж. Бодрийара, — это бессубъектный мир объектов. Собственно, в этом и заключается, по его мнению, самая главная из фатальных стратегий — признать верховенство объекта и перейти на его сторону, перенимая все правила игры, или не делать это [6, с. 16–20]. Не так просто сделать этот выбор, поскольку право пока по непонятным причинам все более перестает быть регулятором гуманитарного смысла в общественных отношениях, а все чаще обеспечивает лишь истинный замысел, который остается пока неведомым.

Думаю, ситуация разрешима, если исходить из того, что суверенными правообладателями и правоорганизаторами общего права для сообщества являются граждане сообщества, само гражданское сообщество в лице его корпоративных образований и собственно правовое государство — правовое по социальной конструкции и функциональности.

Поддержание рационально-правозащитной работоспособности (функциональности) уголовного закона в нынешних условиях — дело непростое. Прежде всего необходимо устранение состояния исключительной неопределенности и чрезвычайности в уголовной и судебно-уголовной политике *обеспечения права*

в уголовном праве по *всему спектру защиты суверенного национального правопорядка.* Это стратегическое направление в современной уголовной политике. Для того, чтобы системно, с правовых позиций и в рамках следования принятой в Республике Беларусь Концепции правовой политики совершенствовать правовую систему с учетом новых надвигающихся реальностей социального мироустройства, мы должны исходить из социально-объективных закономерностей развития общего права, которое все более перестает работать как стандарт справедливости. Неужели прав (?) П. Проди, что в современном своем состоянии право на протяжении своего исторического развития познало и проглотило все и поэтому умерло вследствие своего перенаполнения. Объясняется это тем, что *общее право* уже давно не отождествляется полностью с институтами и принципами гражданского права, которое взрастало не только на принципах римского частного права, но и естественно-божественного права, и в такой дуалистической неопределенности современного права мы вступили в наш новый мир с его лихорадочной и полной деформаций борьбой за новую власть над индивидом» [7, с. 111–116, 128–132].

Безопасность социальных систем человеческого общежития в любом политико-организованном обществе — это постоянно развивающееся состояние гармоничной и сбалансиронанной *правовой* защищенности жизненно важных интересов человека, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Сегодня мир, к сожалению, столкнулся с совершенно новыми, пока непонятными по социальному происхождению и источникам детерминантов угрозами безопасности для человечества, как будто бы требующими в целях их устранения ограничения прав людей, народов, национальной суверенности отдельных государств, при этом средствами и инструментами чрезвычайно правового характера, поскольку общество находится в эскалирующей реальности общественного бытия, что отражается и на правовой системе, на ее внутренней напряженности и пока неготовности эффективно, целенаправленно, точечно и системно противодействовать этому с правовых позиций.

Причина эскалации социальных конфликтов преступного и глобально преступного характера — следствие запредельного обострения на национальном и международном уровнях до состояния *хаотической неконтролируемости* исторического раскола общественных систем на *управляемых* с одной стороны и на олигархически властвующих с другой стороны, что никуда не исчезло. На этом фоне и появляются социальные конструкции, допускающие безграничную возможность обеспечения национальной безопасности и ее защиты посредством уголовно-правового воздействия на основе введения «новых правовых» инструментов из давно устаревшего и поэтому непригодного арсенала уголовного права. Новая содержательная и функциональная реальность

уголовного права, которую мы наблюдаем, обусловлена накопившимися противоречиями развития современных социальных систем, связанными в том числе с наблюдаемым состоянием отчужденности людей и граждан от собственного (национального) правового пространства. Это очень опасная социальная тенденция.

Известная из теории и истории права особая организация реальности с помощью установления всеобщих правил поведения переживает сегодня перемены. Привычный метод постепенного создания новых нормативных правил вслед за изменениями в экономической и государственно-правовой жизни белорусского общества (и вообще в общественном и политическом мироустройстве современных государственных систем) поставил под сомнение действенность и незыблемость всеобщих требований как к внутреннему, так и внешнему правопорядку социального взаимодействия людей, граждан между собой и с государством, и, как следствие, между государствами. Сделанное в свое время Р. М. Зембатовым предположение об изменении форм организации правового обеспечения потестарной функции государства в эпоху проектного капитализма, которая наступила на политических просторах постсоветского пространства сопровождалось имманентными ограничениями действия авторитета права с ориентацией на силовые формы в обеспечении функционирования привычных легальных порядков с учетом формируемой и изменяющейся общественно-политической реальности, возрастанием межбытийного, стохастического и в основном деструктивного воздействия на общественное и индивидуальное правосознание и динамику изменения правоотношений по всем сферам социальной деятельности [8]. Перемены в экономической и общественной жизни таковы, что ни их характер и направленность, ни скорость, с которой они протекают, не позволяли *действительному праву адаптироваться* к легализованным механизмам своего реагирования на меняющуюся реальность так, чтобы при этом сохранилось его (права) священное назначение *охранителя и регулятора высших ценностей* человека и человечества — жизни, свободы и собственности как основы формирования действительного права, исходящего из цивилизационного развития человечества и общественно-государственных систем.

Российский правовед В. А. Четвернин, поделивший мир на цивилизации потестарного и правового типа, пишет, что в обществах, которым свойственна потестарная культура, человек рассматривается лишь как часть по отношению к народу или государству, тогда как в обществе, которому свойственна правовая культура, люди признают друг друга принадлежащими лишь самим себе и договороспособными. По его мнению, в России и в большинстве государств, образованных на постсоветском пространстве, правовые институты не

закрепились в качестве социально и политически устойчивых из-за все той же потестарной традиции [9, с. 3–5].

Нынешний этап социально-экономических и политических реформаций обнаруживает, что дальнейшее устойчивое развитие общественных, экономических и политических систем невозможно без актуализации и обеспечения защиты общегуманитарного контента и в правообразовании, и в правоприменении, в основе которых лежит признание прав человека во всем их видовом разнообразии и развитии в качестве ведущей формы проявления сущности права, и наделение граждан соответствующей праводеятельной и правозащитной правоспособностью с четко определенными гарантиями ее реального осуществления в рамках функционирования независимого и беспристрастного правосудия.

1. Хомич В. М. Новации уголовного кодекса Республики Беларусь: проблемы их интерпретации и применения // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук [и др.]. Минск : Издат. центр БГУ, 2019. Вып. 12. С. 399–402. Вернуться к статье

2. Хомич В. М. Об усмирении или умиротворении насилия в уголовном праве // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: И. И. Лапцевич (отв. ред.) [и др.]. Минск : Колорград, 2022. С. 189–207. Вернуться к статье

3. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация. Философско-юридический путеводитель по миру преступного н непреступного. Екатеринбург : SAPIENTIA , 2020. 256 с. Вернуться к статье

4. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Репрессивное решение социальных проблем // Рос. криминол. журн. 2016. № 3. С. 419–430. Вернуться к статье

5. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии. М. : Художеств. журн., 1999. 236 с. Вернуться к статье

6. Бодрийар Ж. Фатальные стратегии. М. : РИПОЛ классик, 2017. 285 с. Вернуться к статье

7. Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права / пер. с ит. И. Кушнарёвой ; пер. с лат. А. Апполонова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 512 с. Вернуться к статье

8. Зембатов М. Р. К пониманию путей развития права в эпоху проектного капитализма // Журн. рос. права. 2017. № 12. С. 22–31. Вернуться к статье

9. Четвернин В. А. Институциональная теория права // Науч. исслед. лаборатории теории права НИУ ВШЭ. 2013. № 13. С. 3–5. Вернуться к статье